

— Шестой принц или князь И — какая разница? — спросил в ответ Цзян Чуан.

Вэнь Цзюэ опешил. Он не ожидал встречного вопроса. Какая разница? Для него — никакой.

Но для Цзян Чуана разве не огромная? Третий императорский брат — его близкий друг. Вместе они пьянствовали до рассвета, говорили о горестях народа и о собственных высоких устремлениях.

Они восхищались друг другом, их помыслы совпадали. Вся столица знала об этой дружбе!

Третий брат должен был занимать в сердце Цзян Чуана особое место. Как можно ставить его в один ряд с шестым братом?

Своим встречным вопросом Цзян Чуан застал Вэнь Цзюэ врасплох. Не спрашивать же напрямую: «А разве ты не на стороне третьего брата?»

Видя его затянувшееся молчание, Цзян Чуан беззвучно улыбнулся и с довольным видом пояснил:

— Кто бы это ни был, всякий, кто замышляет против тебя зло, — мой враг! Будь это хоть сам император, я...

Договорить он не успел: Вэнь Цзюэ зажал ему рот ладонью и со вздохом проговорил:

— Почему ты всё так же не следишь за языком?

Цзян Чуан тут же поцеловал его ладонь и потёрся о неё, точно привязчивый пёс:

— Тогда накажи меня! Накажи как следует, чтобы впредь неповадно было.

Вэнь Цзюэ прищурился, легонько хлопнул его по щеке, а затем нежно провёл по ней тыльной стороной ладони:

— Наказать тебя? У меня рука не поднимется.

Чжияу умел самым будничным тоном, едва слышным шёпотом говорить самые дразнящие вещи. Цзян Чуан сглотнул, перехватил его шаловливую руку и понизил голос:

— Всё, что я сказал, — правда. Чжияу, нынче ты для меня важнее всех на свете. Пусть это будет шестой принц или князь И: не хочешь, чтобы я водился с ними, — отдалюсь. Скажешь, как поступить, — всё сделаю. Договорились?

— И пусть бы император ополчился на тебя — я не побоюсь ослушаться указа, даже поднять мятеж и выступить против государя, лишь бы спасти тебя! В этой жизни мы связаны одной судьбой: жить вместе и умереть вместе!

Вэнь Цзюэ не знал, что в прошлой жизни Цзян Чуан так и поступил: ради него пошёл против государя, вонзил нож в князя И и погиб вместе с ним.

Если отбросить боль за пережитые Чжияуем страдания, сама мысль о том, что они встретили смерть вместе, приносила Цзян Чуану странное утешение.

Эти слова он произнёс с глубочайшей серьёзностью, и они обрушились на сердце Вэнь Цзюэ, лишая дара речи. Он растерялся, пальцы его дрогнули: ладонь Цзян Чуана, сжимавшая его

руку, казалась обжигающей.

Маленькая проверка — а Цзян Чуан уже выложил всё без остатка, распахнул перед ним душу.

Но Вэнь Цзюэ не верил. И не смел поверить.

Цзян Чуан всё ждал ответа, когда снаружи донёлся голос возницы:

— Генерал, Ваше Высочество, мы на месте.

Вэнь Цзюэ легонько отстранил Цзян Чуана:

— Пора выходить.

Он поднялся и откинул занавеску. Чаннин уже ждал у кареты, чтобы помочь ему сойти.

Цзян Чуан застыл на месте, всё ещё сохраняя позу, в которой его оттолкнули. Лишь когда возница осторожно окликнул снаружи:

— Генерал? Мне бы отвести лошадей в стойло и покормить...

Цзян Чуан опустил глаза, пряча разочарование, и сказал себе: «Не спеши. Всему своё время».

Он вышел из кареты и холодно распорядился:

— Коня!

— Слушаюсь!

*

Вэнь Цзюэ шагал во внутренний двор, опираясь на руку Чаннина. Он был непривычно рассеян и тупо следовал туда, куда вёл слуга.

Слова Цзян Чуана перевернули ему душу, и он больше не мог убеждать себя, что всё это лишь представление.

Может, третий императорский брат раскусил его уловку и велел Цзян Чуану подыграть? Тогда тем более не стоит принимать это всерьёз.

Но не принимать не получалось. Точнее — очень хотелось принять.

Никто и никогда не говорил ему такого: «Ты для меня важнее всех на свете».

Впервые в жизни он оказался для кого-то важнее всех. Даже для императорской сестры, думалось Вэнь Цзюэ, он не был самым важным человеком.

У сестры имелись собственные устремления и амбиции. Вэнь Цзюэ и не добивался первостепенного места в её душе — наоборот, радовался, видя, как она парит в вышине.

Но когда это сказал Цзян Чуан, Вэнь Цзюэ вдруг подумал: а что, если всё это правда?

То была страшная перемена: его сердце начинало незаметно склоняться к Цзян Чуану. Один неверный шаг в будущем — и они с сестрой рухнут в бездну.

Однако это же Цзян Чуан... Вэнь Цзюэ с самого начала питал к нему слабость, так что не устоять было вполне естественно...

Успокаивая себя этими мыслями, он не заметил дверного порога. Нога зацепилась, Вэнь Цзюэ пошатнулся и полетел вперёд. Даже распахнутые глаза видели перед собой лишь тьму.

К счастью, Чаннин успел подхватить его.

— Ваше Высочество! Вы целы? Не ушиблись? — перепугался Чаннин. — Это всё моя оплошность! Упади Ваше Высочество — даже если старшая принцесса изрубит меня на куски, мне не искупить вины!

Вэнь Цзюэ покачал головой и выдавил бледную улыбку:

— Я в порядке. Ты ни при чём. Я просто задумался.

Настроение его разом рухнуло. Он слеп. Он калека. Он слаб и болезнен. Без Чаннина он даже ходить не может — сразу упадёт, врежется в стену. Ему не прожить одному.

Кому нужен такой калека? Вэнь Цзюэ беззвучно горько усмехнулся, дробя и проглатывая все свои бесплодные мечты.

Чаннин всё щебетал рядом, пытаясь его подбодрить. Вэнь Цзюэ рассеянно отвечал, не вникая в слова.

Видя, что хозяин мрачен, Чаннин терялся в догадках, о чём тот говорил в карете с великим генералом Цзяном, и втихомолку костерил генерала: не иначе как обидел Его Высочество!

Они не успели сделать и пары шагов по внутреннему двору, как позади раздались торопливые шаги. Чаннин обернулся, но лишь затем, чтобы его снова бесцеремонно отодвинули.

Чаннин:...?

Великий генерал Цзян подхватил его господина на руки и объявил:

— Чжияй, пойдём. Отвезу тебя в одно место.

Чаннин опешил. Вэнь Цзюэ удивился не меньше.

А затем великий генерал Цзян со своей ношей мгновенно умчался прочь. Чаннин лишь крикнул вслед:

— Эй! Поосторожнее! Ему нельзя носиться как угорелому — у Его Высочества слабое здоровье!

Услышал ли его Цзян Чуан, было неведомо. Чаннин потёр ушибленную руку:

— В прошлой жизни этот генерал, не иначе, быком был! Вечно таранит! Больно же! Вот пожалуюсь Его Высочеству!

— Ты легко мог увернуться. Зачем нарочно подставился?

Сверху раздался холодный мужской голос. Чаннин поднял голову и только теперь разглядел на дереве тёмную фигуру. Он в испуге отшатнулся, едва не вскрикнув.

Это был Чэнь Линь из людей Цзян Чуана.

Чэнь Линь спрыгнул с дерева и мрачно уставился на него.

Чаннин сердито зыркнул в ответ:

— Знаешь, как говорят: напугал — всё равно что убил! Ты что, от природы вор, раз привык прятаться по деревьям?

Чэнь Линь приблизился и уверенно произнёс:

— Ты заметил меня сразу. Зачем притворяешься испуганным?

Чаннин изобразил полное непонимание:

— О чём ты? Я тебя не разумею. Ты прячешься надёжнее вора, как я мог тебя заметить?

Подойдя к нему, Чаннин с силой пнул Чэнь Линя. Удар вышел чувствительным, но тот лишь едва нахмурился — не отступил и не дрогнул.

Чаннин злорадно оскалился:

— А это тебе за испуг!

С этими словами он развернулся и помахал рукой:

— Бывай!

Чэнь Линь остался стоять, провожая взглядом удаляющегося Чаннина. В его глазах читалось глубокое испытующее внимание.

Едва отвернувшись, Чаннин стёр улыбку. Лицо его помрачнело. Чэнь Линь его испытывает. Это собственная затея Чэнь Линя или приказ генерала?

<http://bllate.org/book/20326/2029329>